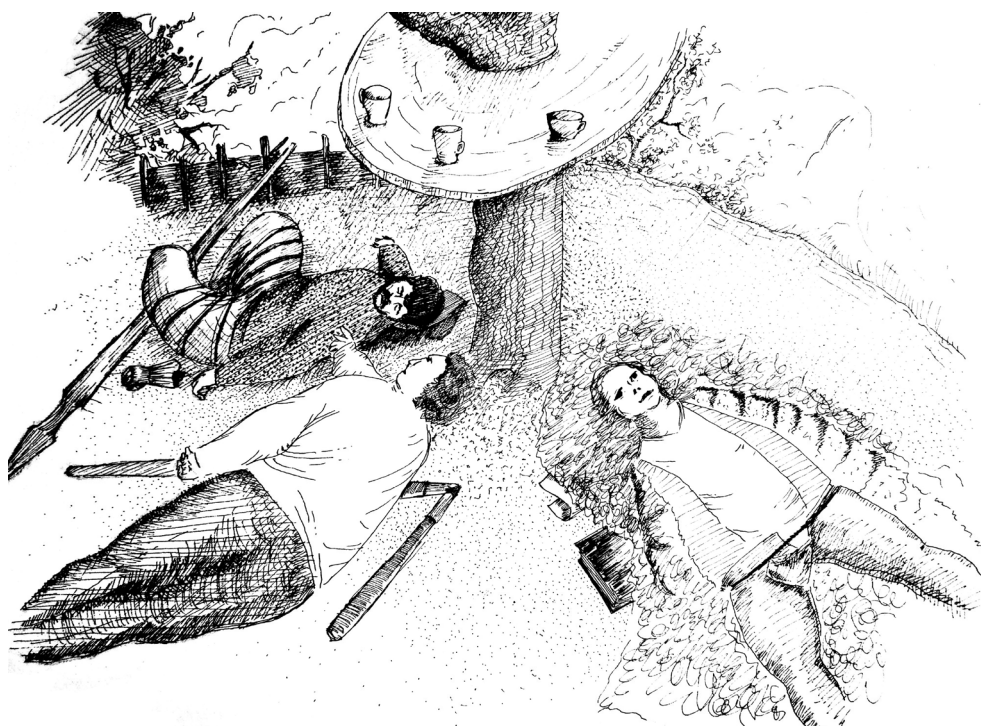

ФИНИКОВЫЙ КОМПОТ

{№2}, декабрь 2012

В номере:

Н. В. Мотрошилова о лени и не только

Философский фольклор

Как философствовали в Обществе
безумного чаепития

Марксова лень

и многое другое

Редакторская

Писать, конечно, лень. И начинать – тоже лень. Сложно это. Проблема есть с этим началами – как ни крути, все неловко выйдет; такие уж они, первые шаги. Да и продолжения, и концовки (когда все продумано, все сделано, все сказано) писать лень. Лень – явление повсеместное (тут нужно быть осторожнее, чтобы не сказать: всеобщее, цементирующее, основополагающее). Странно, но при такой распространенности, лень еще никогда не попадала в фокус внимания философии. Есть

исследования смеха, желания, страха, отвращения – но исследований лени практически нет. Кое-что сделано в литературе (конечно, Гончаров), в радикальной политической мысли (Б.Блэк, например), в теологии (христианская аскетика), в психологии (изучение прокрастинации). Что может предложить современная философия, если в ней эта тема ещё даже не проблематизирована? Не претендуя на полноту подходов и ответов, мы представляем вам попытку философского и культурологического осмысле-

ния лени. Кроме того, вы найдете в номере тексты по нашим постоянным темам: истории интеллектуальных сообществ, субкультурам, поэзию. Могу сказать, что мы получили настоящее удовольствие, работая над выпуском. Надеемся, что это наше переживание передается и вам, читающим это в праздной неге философского отдыха.

Евгений Логинов

Пролегомены к понятию «лень»

Тема лени встала перед членами редакции в поезде Москва-Адлер летом 2012 года. Мы довольно бурно и плодотворно ее обсуждали, а потом, в Абхазии, провели Философское кафе на эту тему¹. Нас интересовала не метафизическая сущность лени и не механизмы ее производственного использования (об этом см. «Технология лени Джона Перри» в настоящем номере ФК), но ее схема, способ функционирования, дао лени. Мы исследовали не категорию, но факт и способ его свершения. Вот основные гипотезы, которые мы сформулировали:

Гипотеза 1. Биологическая

1.1. Эволюционная

Лень нужна для рационального использования энергии. Кое-что еще об этой гипотезе вы найдете в нашем номере в заметке Элиаса Отиса «Учитель и Ученик». Классическими представителями этой гипотезы являются доктор медицинских наук П.В. Симонов и кандидат искусствоведения П.М. Ершов, изложившие ее в совместной работе «Темперамент. Характер. Личность», посвященной изложению естественнонаучных основ индивидуальных особенностей человека в свете учения И. П. Павлова и с использованием творческого наследия К. С. Станиславского. Вот, что они пишут: «Принцип экономии сил лежит в основе избретательства и совершенствования

навыков, но может приобрести и самодовлеющее значение, трансформировавшись в лень».

1.2. Биохимическая

Лень есть реакция на снижение глюкозы. Наверное, так функционирует лень в живой природе. Такое понимание может служить методическим руководством. Лень? – Скушай шоколадку!

1.3. Физиологическая

Лень есть поведение в случае недостаточности стимула для провоцирования активного действия. Во многих случаях речь идет о предпочтении конкретных стимулов абстрактным (больше хочу кушать мороженое сейчас, чем быть хорошим инженером когда-нибудь потом, поэтому иду в магазин, а не учу сопромат).

Лень –
административный
капитал

Гипотеза 2. Социологическая

Лень – административный капитал, символ власти. Это можно показать на материале древних мифов и верований.

Например, в Африке существовал культ богов-бездельников, никаких просьб не выполняющих. Есть месопотамский миф о творении людей богом Энки: всемогущий спал, переложив работу на младших богов, которые, в свою очередь, чтобы иметь возможности предаваться праздности и пивным возлияниям, упросили всемогущего создать людей. В современности эту мифологию можно найти в дискурсе робототехники: как бы нам сделать искусственный интеллект, который бы все делал за нас? Ленность властей предрежащих оборачивается, однако, их полити-

ческим разложением, что создает предпосылки восстания эксплуатируемых, лишенных возможности лениться и готовых бороться за эту возможность.

Гипотеза 3. «Хайдеггерианская»

Лень – усталость от ответственности. Наше Я постоянно ставит нас перед

Лень – усталость
от ответственности

выбором. Заставляет быть внимательным в себе. Каждый момент времени мы ответственны за то, что делаем. Мы, существа сознательные, обречены на практику себя. Лень служит домом, где можно от себя спрятаться, где есть болтовня, поверхностные суждения и наркотическая легкость бытия. Такую позицию можно найти в «Бытии и времени» Мартина Хайдеггера, в его рассуждениях о связи Dasein и бытия-в-мире.

Гипотеза 4. Психоаналитическая

Лень – защита от психотравмирующих факторов, которыми могут выступать попытки побуждения или принуждения субъекта к свершению действий, подавляющих его желание и волю. Тесно связанная с функцией вытеснения, лень может выступать как её механизм, так и следствием. Последнее возникает в ситуации, когда обнаруживается связь действий, в отношении которых субъект проявляет лень, с уже вытесненными, травмирующими воспоминаниями. Кроме того, лень может быть рассмотрена в качестве аналога принципа удовольствия, побуждающего субъекта к достижению прямого и непосредственного удовлетворения, в противовес >>

Лень есть реакция
на снижение
глюкозы

¹Отчет можно найти тут: eugenelosmar.livejournal.com/26240.html

принципу реальности, требующему более осторожного действия с учетом объективных факторов. В данном случае лень может служить маячком скрытых недостатков субъекта – в случае, когда эти реальные причины, не дающие возможности следовать принципу удовольствия, коренятся в самом субъекте. Так, фраза «я не хочу учить иностранный язык» может указывать на неспособность или слабую одаренность субъекта в изучении языков, несмотря на наличие скрытого желания ими заниматься.

Лень это бунт

Гипотеза 5. Анархическая

Анархическая стратегия рассмотрения предлагает трактовать лень как бунт против существующего порядка вещей и сложившихся отношений с миром. Этот бунт – не осознанный протест, а скорее подростковое стремление к непослушанию, отчаянное и непоследовательное. Так, в ситуации, где возникает некий стимул, побуждающий к действию, лентяй не реагирует на него соответствующим образом, а вместо этого старается либо заместить требуемое действие каким-то другим, либо и вовсе бездействовать. Под стимулом здесь понимается самый широкий спектр влияний: не только, например, потребность в пище или механическое воздействие, но и, скажем, предписание традиции или прямые указания начальника.

Лень – предикат чистого самобытия

Гипотеза 6. Диалектическая

Лень – один из предикатов чистого самобытия, характеризующий его самодостаточность и ориентированность на стабильность. Когда в своих приключениях субъективный дух сталкивается с другим сознанием, между ними с необходимостью вспыхивает борьба, в которой каждый из

них стремится к обретению верховенства. Побеждает тот, кто способен вести эту битву самозабвенно, не щадя себя, вплоть до безрассудной храбрости. Смелчак становится господином, а трус, неумелый – рабом. Оказавшись в роли раба, побежденный вынужден руководствоваться в своей деятельности волею господина; сама направленность его действий оказывается обращенной вовне. Господин же, удерживая самобытие, заботится лишь о себе. При этом, обслуживаемый рабом, он погружается в ленистую стагнацию. Раб трудится – господин отдыхает. Сам труд как таковой, воплощенный в позиции раба, оказывается, таким образом, подчинен господской лени. Вместе с тем, сама эта лень оказывается в зависимом положении от обслуживающего её труда. Лень и труд, пребывая зависимыми друг от друга, нуждающимися друг в друге, обнаруживают себя в своей неразделимости: как господин лишается своего статуса, не имея того, над кем он мог бы господствовать, как раб перестает быть подчиненным, когда он не подчиняется никому, так же и труд не есть собственно труд, если он не имеет своей целью обеспечение кого-либо, и лень перестает быть ленью, когда не обслуживается трудом и не является его целью. И в этой неразделимости лень и труд обнаруживают свое диалектическое единство. Основанием данной частной концепции служит диалектика Гегеля (см. «Феноменология духа»).

Лень. Что такое лень? Это отдых, которому не предшествует труд. Плохо быть ленивым или хорошо? Если ты умный, то плохо, потому что ты мог бы сделать умно устроенную вещь, а ты не сделал. Поленился. Если ты злой, то хорошо, что ты ленивый. Если бы не твоя лень, то ты мог бы многим людям сделать пакости. Но ты ленив. И слава Богу, что ты ленив. Не много зла принесешь с собой.

Ф. Гиренок,

доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ

Необходимо различать лень как характеристику образа действия и лень как состояние. Первое – «мне лень это делать» – означает быть ленивым в смысле пойманным на нелюбви к труду и, наверняка, морально осужденным. Второе – «мне лениво» – экзистенциальное состояние эмоциональной невовлеченности в повседневность, – по общему мнению всех профессиональных «интеллектуалов», – есть предпосылка для занятий философией. Лень неприемлет ручной труд, вообще труд как производство, она на стороне экономики чуда против экономики труда: богатство должно перейти к нам, как приходят идеи в чистом интеллектуальном созерцании, которому экономика труда, обремененная разного рода скучными и утомительными techne, только мешает. В этом смысле все любители мыслить, от Аристотеля до Нассима Талеба, перефразируя последнего, – ленивы, считают лень достоинством и желают высвободить как можно больше времени для медитации и чтения. По-видимому, им (нам) больше ничего просто не остается, потому что все остальное нам (им) – лень...

Т. Вархотов,

кандидат философских наук, кафедра ФМН ФФ МГУ

Общество безумного чаепития

Представьте себе Кембридж, Тринити-колледж (Колледж св. Троицы) конца XIX века. Профессор Джон Эллис Мак-Таггарт (1866–1925), самый знаменитый философ университета, делает утверждения, достойные безумца. Например, он полагает, что **времени нет**. Причем этот абсурд приписывается таким разным философам, как Спиноза, Кант, Гегель и Шопенгауэр. Как, спрашивает профессор, мы вообще можем говорить о времени? Возможны два варианта. Можем представить его либо как прошлое, будущее и настоящее, либо как серию точек, связанным отношением раньше-позже. Но очевидно, что в первом варианте мы не сможем выбрать точку отсчета, ведь любая позиция сначала является будущей, потом настоящей, а затем и прошлой. Во втором варианте все еще хуже: мы вообще не можем говорить о темпоральных категориях точно (в первом случае хоть с прошлым все более или менее ясно), положение внутри времени зависит от произвольно выбранной точки зрения. Следовательно, эти категории не объективны, а говорят лишь о нашем представлении. Объективна лишь вечность, когда время для тебя палец о палец не ударит¹. Только она, неизменная, может показать нам подлинную природу бытия. Если кто-то заметит, что профессор зря тратит время студентов, то получит достойный ответ: «если бы ты знала Время так же хорошо, как я, – ты бы

этого не сказала. Его не потеряешь! Не на такого напали!»². Право, «все мы здесь не в своем уме»³. В это время, в 1892 году, в колледж поступает классический филолог Джордж Мур. Там он встречается с другим студентом, Бертраном Расселом. Последнего интересовала не седая древность, а «улыбка без кота», царство математики, «где человек <...> может укрыться от унылого изгнания реальности». Вместе молодые люди обращаются к философским наукам и становятся слушателями курса нашего профессора. Их начинают часто видеть втроем, увлеченных беседой и чаепитием. Интерес друзей к шарадам, парадоксам и языку, их остроумие и веселость, а также внешнее сходство Рассела со

Шляпником Льюиса Кэрролла в классическом изображении сэра Джона Тенниеля⁴, послужило названием для кружка: «Общество безумного чаепития». Во многом из их бесед и родилось самое влиятельное интеллектуальное движение философии XX века – аналитическая философия⁵. Остановимся на некоторых идеях этих мыслителей. Наследие Бертрانا Рассела поистине огромно. Он многое сделал для логики, математики, получения избирательных прав женщинами, либерализации семьи, предложил философию логического атомизма, популяризировал теорию относительности, критиковал религию и выступал против ядерного вооружения. >>

1. Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес. – М.: «Наука», 1991. С. 61.

2. Там же. С. 60.

3. Там же. С. 53.

4. Его отмечает, например, Н. Винер в своих воспоминаниях: см. Н. Винер. Я-математик. – М.: «Наука», 1967. С. 13.

5. Вообще, многие аналитические добродетели можно обнаружить в главе «Безумное чаепитие» «Алисы в стране чудес».

Шляпник спрашивает: «чем ворон похож на конторку?». Алиса утверждает, что знает ответ. Мартовский заяц призывает ее к точным формулировкам: нужно всегда говорить то, что думаешь, и это не то же самое, что думать то, что говоришь, как не одно и то же видеть то, что ешь, и есть то, что видишь. Когда выясняется, что Алиса не знает ответа, Шляпник объявляет, что и сам его не знает. В работах Мура, Остина, позднего Витгенштейна и других аналитических философов тоже редко можно встретить окончательный ответ.

В числе достижений философа есть и решение известного с древности парадокса лжеца (высказывание «Я лгу» не может быть ни истинным, ни ложным). Дело в том, что истина и ложь есть соответствие фактам, и «Я лгу» вовсе не противоположно «Я говорю правду». Предложение «Я лгу» имплицитно отсылает не к самому себе (что приводит к парадоксу), а к другому предложению, «Я говорю правду», фиксируя его несоответствие фактам. Таким образом, парадокс снимается. Гораздо меньше известно, что Рассел был один из немногих философов, кто обращался к теме лени. В 1932 году он пишет эссе «К похвале праздности», где от-

стаивает четырехчасовой рабочий день. Основным объектом критики для него является утверждение, что Сатана делает зло руками ленивых. Великий вред приносит современному миру мнение, будто труд свят. Дорога к счастью, по Расселу, лежит через снижение количества рабочих часов. Представьте, что некий путешественник увидел двенадцать нищих и пообещал, что даст золотой самому ленивому. Одиннадцать приняли его что-то рассказывать про свое безделье, а один просто лежал. Ясно, какую пользу принесет ему его неподвижность. Все лучшее, говорит Рассел, было создано благодаря праздности, например греческой. Правда, сама праздность создавалась руками эксплуатируемых рабочих. Эту несправедливость нужно убрать, распределив досуг среди всего населения. Мораль труда есть мораль рабов, а современный мир в них не нуждается. Всеобщее благоденствие наступит благодаря союзу творящего в праздности человеческого разума и современной техники.

Джордж Мур – это идеал аналитического философа. Он действительно мыслил как Сократ: до скуки внимательно, не делая никаких выводов, опираясь на здравый смысл и повседневный язык. Как последовательный аналитик, он сформулиро-

вал парадокс любого анализа: если анализируемое предложение равно по значению анализирующему, то это тавтология. Если не равно, то анализ ложен. Этот парадокс позволяет Муру зафиксировать натуралистическую ошибку в рассуждениях о природе добра. Обычно этики рассуждают так: «Х есть добро, поступок Y обладает свойством X, значит, он добрый». Так, например, рассуждают утилитаристы: полезность есть добро, значит, полезный поступок есть добрый поступок. Это неверно, считает Мур, ошибочная подстановка терминов, смешение свойства и причины. Определение добра будет либо тавтологичным,

из взаимодействия студентов и преподавателя рождается самое влиятельное направление философии XX века

либо неверным. Нужно различать вопросы о природе добра и вопросы о природе моральных поступков. Редукционизм тут есть просто неверное употребление слов. Стоит отметить, что в случае с ленью это тоже так. Чтобы убедиться в этом, обратитесь к гипотезам 1 и 2 в наших «Прологоменах». Муру удалось обнаружить еще один важный парадокс, который носит теперь его имя: «Будет дождь, но я в это не верю». Дело в том, что нет человека, способного принять это предложение как истинное (то есть действовать в согласии с ним), но логически нет никакого противоречия между членами этой конъюнкции. Мне кажется, что в этом открытии Мура – огромная эвристическая ценность не только для философии языка, но и для анализа религиозного опыта, в основе которого лежат как раз предложения такого типа. Так из взаимодействия студентов и преподавателя рождается самое влиятельное направление философии XX века, и наступает Век Анализа.

Евгений Логинов

Я, как и многие трудоголики, апологет лени...

Б. Казарлицкий

Директор Института глобализации и социальных движений, кандидат политических наук

Человеку не свойственно трудиться, человеку свойственно лениться. Что еще может сравниться с этим длящимся во времени сладостным переживанием отсутствия действия в его неопределенной отсрочке? Перспектива возможного будущего осуществления X наполняет душу тихой и блаженной радостью, – при этом я схватываю собственное существование в этой точке отсрочки как наиболее интенсивное: уже есть набросок будущей актуализации действия, но работа по реализации проекта еще не начата, – он целиком и полностью – в области желаемого совершенного, но ни одной своей частью не принадлежит реальности, находясь в необъективированном, свернутом виде. Я – лишь сгусток возможных смыслов, хранилище неисполненных надежд, все еще верящее в претворение планов в жизнь, на горизонте которого лень уступает дорогу решительности, переходящей в действие. И это состояние особенно хорошо тем, что может возобновляться вновь и вновь, изо дня в день, имея своим пределом лишь человеческую смерть...

Н. Гоноцкая,

кандидат философских наук, ассистент кафедры философии гуманитарных факультетов, председатель Совета молодых учёных факультета

Что такое быть евреем?

За более чем трехтысячелетнюю историю наш народ регулярно, везде и всегда задаётся вопросом: «Ми ну иеһуди?» – «Вер из а йид?» – «Кто такой еврей?»... И как то принято, ответ на это – вопрос: «А зачем нам задаваться таким вопросом?» С самого своего рождения как родовой группы – при «брейс Авроом» (Завете Авраама), как народа – в «тигле Египетском», как религии – у Синая, мы постоянно задаёмся вопросами о своём статусе. Действительно, даже Г-сподь Б-г даёт нам на наш, человеческий, взгляд противоречивые оценки: то «ам кше-ой-реф» – «народ твёрдой шеи», то «ам сегуло» – «племня-сокровище»... Что уж говорить о точке зрения «бней одом» – «сынов человеческих»?!

Но давайте прекратим удивляться и станем думать, а не задумываться. Что нас делает народом? Отвечая кратко, «Тойре умицвэс» – «Тора и заповеди», Б-жественная оstenция (sic! Именно, латинским ostentio – указание, указывание – переводится слово הָרָא (Тора), а не приевшимся,

искажающим смысл словом «закон» (для которого Святой Язык имеет другие слова, например מִשְׁפָּט (мишпат) и קֶחַ (хок)) и способы соединения земли и неба (а именно так всегда воспринимались и мыслились תּוֹצֵא (мицвэс), на русский переводимые совершенно неопределённым словом «заповеди»). Веками антисемиты рисовали и рисуют нас как «книжников» и «законников», которые только исполняют формальную сторону, забывая о какой-то там «благодати». Это – далеко не так. Даже вовсе не так! Наши пророки (которых некоторые антисемиты чтут, надо сказать, за своих) неоднократно повторяют о необходимости «служения сердцем», а главный наш пророк – Мойше Раббейну (Моисей-учитель наш) даёт более точное указание: «возлюби Г-спода, Б-га твоего, всем твоим сердцем, всей твоей душой и всем, что у тебя

есть» – и это стало нашей главной молитвой. Служба сердцем – вот основа нашего мировоззрения. Слово «сердце» имеет тут редкую форму בֶּלֶל, которое весьма приблизительно можно перевести «самое нутро, самая середина», с двумя буквами ב «бейс», одна из которых обозначает животное, а другая – Б-жественную душу.

Грустно слышать от еврея фразу «Я – светский!», не менее грустно от секулярного религиоведа – словосочетание «религиозное еврейство», которым этот «исследователь» моментально расписывается в своей некомпетентности. Вообще, знать не знаем мы, что это за слово такое заморское – religio. Для нас же «Тойре умицвэс» – это образ и стиль жизни во всех её сферах, никак не меньше.

Apfel

Лень в православии

К проблеме лени я как теолог подойду не с самой известной и не с самой популярной позиции. Я постараюсь раскрыть христианский, а именно – аскетический христианский взгляд на лень и ее природу. Более того, лень будет рассмотрена в контексте православной восточной аскетической традиции. Я воспользуюсь «Лестницей», фундаментальным трудом по христианской аскетике, написанным преподобным Иоанном Лествичником. «Лествица» представляет собой 30-главый труд, где каждая глава является ступенью в духовном совершенствовании аскета. Слово 13-ое посвящено проблеме лени и уныния. В рамках христианской аскетической традиции «лень» является частью

терминологического конгломерата, описывающего «грех» и «страсть» как метапонятия. Уныние и лень в рамках «Лестницы» являются синонимами, что говорит об их сущностном и функциональном единстве. «Уныние есть расслабление души, изнеможение ума <...> оболгатель Бога, будто Он не милосерд и не человеколюбив», – пишет преп. Иоанн, а также: «Уныние часто бывает одною из отраслей, одним из первых исчадий многословия». Таким образом, уныние, оно же лень, есть психофизическое состояние, в основе которого лежит идиосинкразия к Богу. Шире, это идиосинкразия вообще, например, к призванию (недаром преп. Иоанн упоминает «пренебрежение к иноческому подвигу» как

форму уныния).

Лень приходит в определенное время: «Уныние находит на подвижников около полудня», а «ставшим на молитву сей лукавый дух (дух уныния – прим. автора) напоминает о нужных делах». «Наблюдай и увидишь, что оно борет тех, которые стоят на ногах, склоняя их к тому, чтобы сели; а сидящих увещевает приклониться к стене; оно заставляет посмотреть в окно келии, побуждает производить стук и топот ногами». Одним словом, лень побуждает аскета к производству лишних действий, не связанных с конкретной целью подвижника, т.е. духовным совершенствованием. Преп. Иоанн не разбирает вопрос о том, что является причиной >>

данных действий, указывая на духовный, демонический характер уныния и лени – «лукавый дух». С другой стороны, преп. Иоанн предлагает ряд действий против лени, так как сам труд есть сборник аскетических наставлений. «Муж послушливый не знает уныния», «общезитие противно унынию», «противники <лени и уныния> суть псалмопение с рукоделием». Словом, противостояние идиосинкразии проходит на двух уровнях – «псалмопении» и «рукоделии». В первом случае имеется в виду идеологический фундамент борьбы с унынием. Преп. Иоанн пишет об этом так: «Мужественная душа воскрешает и умерший дух». Противостояние лени и унынию на духовном уровне заключается в постоянной молитве. На уровне же материальном, телесном, такое противостояние заключается в «рукоделии» и «послушании», т.е. непосредственной деятельности, которая также не дает унынию схватить душу подвижника.

О лени как пороке мы можем прочитать и в Библии, конкретнее в Ветхом завете, еще конкретнее – в книге Притчей Соломоновых: «Проходил я мимо поля человека ленивого и мимо виноградника человека скудоумного: и вот, все это заросло терном, поверхность его покрывалась крапивою, и каменная ограда его обрушилась. И посмотрел я, и обратил сердце мое, и посмотрел и получил урок» (Притч. 24:30-32). Так или иначе, лень и уныние есть грех. Грех достаточно тяжёлый, который, если его духовно не «врачевать», может перерасти в страсть, что пагубно скажется на жизни индивида. Можно заметить, что православная мысль не уделяет внимание сущности лени, скорее она всецело направлена на ее искоренение и борьбу с ней, по той простой причине, что лень как грех есть «всепоражающая смерть» по слову преп. Иоанна Лествичника.

Дмитрий Давыч

Исламский фундаменталист и лень

Теоретически не так уж и сложно избежать вечных мук. Поэтому, казалось бы, мусульманину достаточно верить и быть с ленью в замечательных бесконфликтных отношениях. Ведь до веры человека ей дела нет. Для нее, как для нимфоманки, главное – не оставаться одинокой на своем ложе. Но не все так просто!

Каждый порядочный мусульманин понимает, что не человек решает, быть ему мусульманином или нет. Аллах наставляет, кого пожелает, и сбивает, кого пожелает. А наставляет он за добрые дела – сбивает же за грехи, которые зачастую предполагают бездействие, т.к. в исламе есть немало видов деятельности, которые являются фардом (обязательными). Так что сладкой дороги

из ложа с ленью в ложе с гуриями эта религия не предполагает – так или иначе придется вести джихад. Последнее слово означает вовсе не то, что могло бы показаться. Джихад – это старание на пути Аллаха. Трехступенчатое. Джихад душой – внутренняя борьба. Джихад языком – даават (проповедь, призыв к исламу). Джихад оружием – старание возвысить слово Аллаха на земле, т.е. установить господство шариата на той или иной территории – желательно на всей планете. Последняя ступень джихада – высшая. Лень бывает довольна, когда ее любовник-исламист во внешних делах закичивается на второй ступени, а во внутренних первой предпочитает мечтания и разговоры о третьей, лежа с ней в обнимку. >>

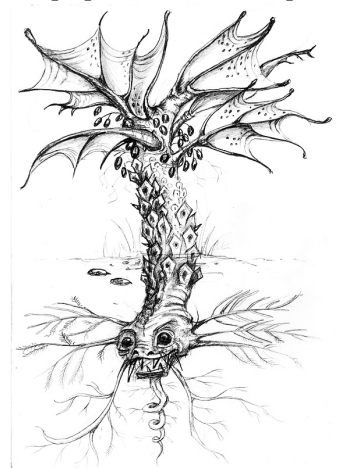
Ученик: Мастер, что есть лень?

Учитель: Эволюционное приспособление от переутомления.

Ученик: Такое объяснение не схватывает случая, когда у меня полно сил, я рублю не нужные никому дрова, а надо идти делать физику, но мне лень делать физику, и я рублю дрова. Или просто лежу на диване, очень хочется есть, но мне лень взять хавку из холодильника, поэтому я голодаю до тех пор, пока не вернется сосед и не принесет мне хавку, до которой ходу метр.

Учитель: А это уже ошибки программы, вроде пресловутого полёта бабочки на огонь. Когда программа формировалась, домашних заданий по физике не было, и лень проявлялась именно в уходе от сложной работы. Сейчас субъективно (со всеми вытекающими биохимическими последствиями) физика может восприниматься как более сложная работа, чем рубка дров, и механизм лени включается, хотя фактически заменяющая работа более энергозатратна. То же и с холодильником. Когда формировался механизм, долго лежать на диване (ну, или на подстилке) доводилось только больным и ослабленным особям, которым действительно было проще дожидаться соплеменника, чем найти еду самому, так что и тут то, что ты долго лежишь, может запускать сигнал «я больная особь», поэтому проще оказывается поголодать, чем идти за едой.

Fr. Nyarlathotep Otis, редактор оккультно-религиоведческого журнала «Апокриф», член Ordo Templi Orientis.

Казалось бы, зачем помимо фарда была создана еще и сунна (желательные дела)? Избегай грехов, исполняй фард – и Джаннат (рай) гарантирован. Но и тут не все так просто...

Помимо кругов вечных мук в Джаханнаме есть круг мук временных – своеобразное исламское чистилище. Опасность попасть туда является дополнительным стимулом к деятельности, за которую обещаны бонусы. Очень часто те, кто призывает больше стараться на пути Аллаха, стимулируют именно этим. К примеру, какой-нибудь ревнитель исламской праведности видит, что обленившиеся братья не желают вставать на намаз (регламентированную молитву с поясными и земными поклонами), являющийся не фардом, а сунной. Тогда он говорит: «Мы ведь хотим сразу в Джаннат и не желаем даже временных мук в Джаханнаме, не так ли? И все мы не безгрешны, не так ли? И нам будет обидно, когда на чаше весов с добрыми делами для прямой путевки на небеса не окажется этого самого намаза, не так ли?» Тут не поспоришь. И таким образом лень остается на своем ложе одинокой. Ох, и не любит же

она этих назойливых праведников, которые своей прямолинейностью не позволяют цвести творческому процессу измышления отговорок и оправданий, надежно обеспечивающих ее любовниками.

принятие ислама не грозит полным разрывом с ленью

Но если кто-то думает, что принятие ислама грозит ему полным разрывом отношений с ленью, пусть не отчаивается. Ибо в то время, как многие люди оставляют ее из установки «надо работать и кормить семью», исламские фундаменталисты в данной плоскости остаются с ней, убивая ту джахилийскую (в исламском понимании присущую невежественным людям) установку максимумой «Аллах кормит».

Конечно, когда человек только принимает ислам, он настолько увлечен своей новой молодой женой, что старая любовница-лень остается забытой. Все время занято фардами, суннами, изучением арабского, Корана, предания о Мухаммаде и сподвижниках, шариата, старанием

проповедовать, призывать к исламу, подготовкой к высшей ступени джихада, возможно, даже участием в ней тем или иным образом. Но со временем новое превращается в привычное, тоска по старой любовнице

перестает затмеваться очарованием новой женой, и исламист начинает периодически находить удовлетворение и в ее объятиях. В итоге же, если он не ступает на высшую ступень джихада или не начинает быть кормимым Аллахом посредством работы, то он начинает проводить большую часть времени с ленью, убежденный при этом, что это его жена. Видимо, она начинает что-то подсыпать ему в чашку кофе по утрам...

Вот такие нелегкие отношения складываются у среднестатистического исламского фундаменталиста с ленью. Кстати, не стоит забывать, что среднестатистических людей не существует, так что, с одной стороны «все персонажи произведения вымышлены», а с другой – не все так просто!

Заур Кокоев

*Отрастив пушистый кошкун хвост,
Пойду по городу гулять.
Пересеку бесшумно мост
И лишь на утро лягу спать.
Всю ночь прошляюсь под луной,
На шерсть цепляя звезды с сеновала,
А утром мама, встретившись со мной,
Вздохнет: «Котят не нагуляла?»*

Святушенко Елена, Санкт-Петербург

*все так,
слишком поздно,
сунусь –
и ток в висок,
не порода ведь. просто помесь.
... а там –
горный воздух
юность
высокий слог
абсолютная исцелённость.*

Марьянчик Элина, Архангельск

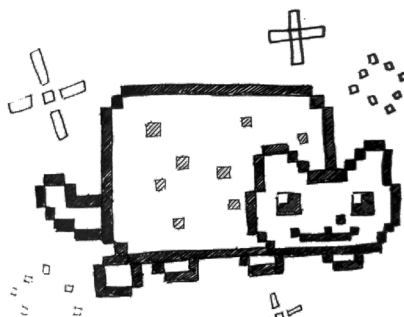
*нет ничего страшнее момента, когда,
завершив первую строчку, не знаешь,
как начать вторую.*

*в эту секунду ты никто:
несуществующий переулок в городе, стертом с карты,
ты улица, на которую не свернули.*

*метроном часов неизбежно и тоже
как бы в отчаянии отмеряет минуты
жизни, нагоняя тоску, но другую –*

*безысходно-небрежную. А ты все так же уверен,
что нет времени, повиснув над запятой,
отделяющей строчки одну за другой.*

Мария Кричевская, Серпухов.

Ленивые заметки

Моя кошка лежит на диване – её лень ноуменальна, моя же – эмпирическая. Лень бывает двух видов: одна – от усталости, забывания, слабости, уныния, и Лень же – но от кротости, смирения, скромности. Я ленюсь, значит, я не спешу дать ответ на поставленный передо мной вопрос, например, о лени! Интуитивно я знаю то, что могу и хочу вам ответить, но всяческие приличия, статус, положение, ученое звание и проч. предостерегают меня от того, чтобы давать слишком поспешные ответы. И вместо того, чтобы ответить, я откладываю, я ленюсь, я переносу ответ на завтра, на послезавтра, может быть, на никогда. Это одна из причин того, что мы, русские, может быть, хуже всех отвечаем на электронные письма. Мы воодушевляемся прочитанным и решаем непременно ответить, но чувства переполняют нас, мы понимаем, что не можем ответить адекватно, переносим наш ответ на будущее, и в конце концов не отвечаем никогда.

В Лени – осто́в вневре́менности и безвре́менности

Лень для нас – не просто предмет рассеянности или усталости, это почти что метафизическая категория, означающая подвешенность, стоическое «эпохе», откладывание на завтра того, что можно и даже должно сделать сегодня. Иногда это дает нам нечаянную радость, непредсказуемый и необетованный выигрыш в игре с жизнью, потому что наше слово оказывается – если оказывается – последним, подытоживающим, овнешняющим. Наша собственная значительность повышается, –мы вообще не ленимся, мы ждем, пока все выскажутся, и мы, во всеоружии точек зрения в конце концов произнесем

свой вершительный приговор. Замечательно сказал Василий Розанов в 1915 году: «Отличительную особенность восточно-кафолической церкви от западной составляет не Filioque, а ЛЕНЬ. И самый многовековой упор на Filioque происходит собственно ОТ ЛЕНИ. Помилуйте, так легко. И все одно и то же. Не надо ни скидывать сапог, ни расстегивать тулупа. Тепло и удобно». Если нужно, то можно очень легко оправдать лень с точки зрения метафизики, примириться с ленью. Можно обозначить лень как пространство ожидания трансцендентного, как момент метафизического присутствия, которое чарует и завораживает, повергает в состояние безмолвия и благодатной пустоты. Но всё же стоит иногда, подобно барону Мюнхгаузену, хватать себя за волосы и вытягивать из болота, именуемого Лени́ю. Лень – это лён, который прядется на прялках вечности, незримыми нам Парками философии. В Лени – осто́в вневременности и безвременности, в котором мы черпаем прочность нашего пребывания во времени. Но вряд ли стоит разумно и вольно сопрягаться с Лени́ю. Лень – то, что вне нас и в глубине нас. Лень – наше Ungrund. Так пусть же она пробивает свой неистощимый родник в dolce far niente¹ наших летних каникул, пусть показывает она смутный облик своего божественного забывания в те моменты нашего бытия, когда мы можем расслабиться и отстраниться от своей активной, волевой жизненной установки. «Кто не работает, тот – Лень, кто работает – тот Ленин!»

Алексей Козырев,
зам. декана по научной работе, кандидат философских наук, доцент каф. истории русской философии

1. (ит.) блаженном ничегонеделании
(прим. ред.)

«Почему в рубрике гражданских состояний всегда указывают возраст усопших и никогда не указывают возраст новорожденных?» Может быть, потому что у лысой певицы все та же прическа? Абсурд – отсутствие, нехватка, отрицание, противоречие, трансгрессия пределов нашего мышления, способ самоопределения: «жить противоестественно».

Кафедра философии языка и коммуникации философского факультета МГУ приглашает принять участие в междисциплинарной научно-практической конференции (к 100-летию создателя театра абсурда Эжена Ионеско), посвященной абсурду – неиссякаемому источнику философского анализа.

Обсуждаться будут следующие темы:

- Экзистенциальный абсурд
- Эстетика абсурда
- Логика абсурда
- Политический абсурд
- Абсурд в коммуникации

Научные сессии проводятся десятого, одиннадцатого и двенадцатого декабря.

Похвала лени

Лень – двигатель прогресса. Надоело ходить – человек приручил лошадь, придумал колесо, а позже тележку, повозку, паровоз, автомобиль. Полетел даже в небо (не руками же, как крыльями, махать). Обзавелся всевозможной техникой – для быстрого приготовления (пока этот костер разведешь) и хранения еды (холодильник), стирки, мойки посуды и т.д. Сидит себе Обломов XXI века и нажимает на кнопки компьютера, телевизора, к примеру, пылесоса (и слуга Захар не нужен, чтобы убрать паутину)...

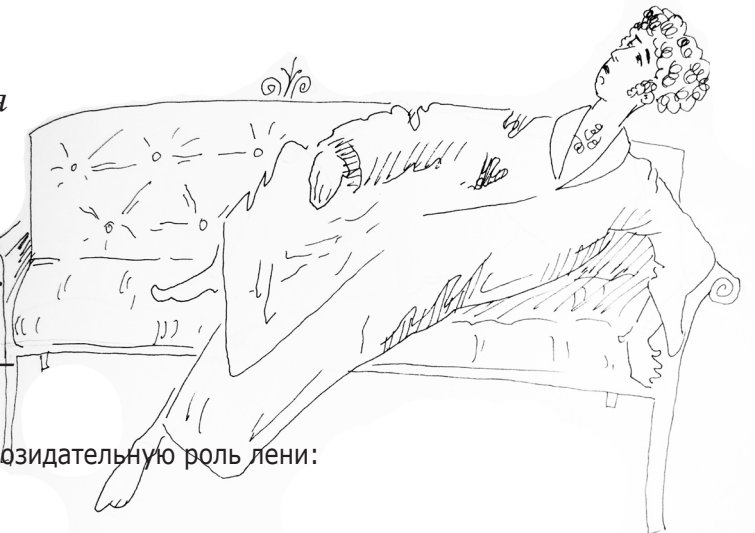
Лень бывает, конечно, и деструктивная, взрывная как минное поле. Но еще и оберегающая от поспешных решений и поступков, охранительная, в том числе от саморазрушения, созидательная, творческая, возвышающая, облагораживающая (лень даже плохие поступки совершить), наконец, спасительная. Этот словарь лени может продолжить читатель.

Кстати, как обратил внимание О.Л. Довгий (см. его статью: <http://www.intrada-books.ru/dovgy/len.html>), словарь языка Пушкина отмечает 78 случаев употребления у поэта слова «лень».

В стихотворении «Сон» (1816 г.) А.С. Пушкин воспевал лень:

Лень – не главный, но устойчивый мотив русской, да и мировой литературы. Король лени на Парнасе И.А. Гончаров со своим Обломовым (даже в немецком городе Киле по имени этого героя называется популярное у студентов кафе).

*Приди, о лень! приди в мою пустыню.
Тебя зовут прохлада и покой;
В одной тебе я зрю свою богиню;
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здесь — докучный шум укрылся
За мой порог; на светлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И в темный ниш, где сумрак воцарился,
Чуть крадется неверный свет дневной.
Вот мой диван. Приди ж в обитель мира;
Царицей будь, я пленник ныне твой.
Все, все твое: вот краски, кисть и лира —
Учи меня, води моей рукой.*

В послании «Дельвигу» (1817 г.) Пушкин указывал на созидательную роль лени:

*Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.*

Но рядом с этим тронem могут быть многие, в том числе А.А. Вознесенский, написавший 1964 г. стихотворение «Лень»: «Лень – двигатель прогресса. Ключ к Диогену – лень». В самом деле, лень – спутница Музы и философии. И не только их.

Олег Клинг,
зав. кафедрой теории литературы филологического факультета,
доктор филологических наук, профессор,
писатель, член ПЕН-клуба

Интервью

Мы встретились с профессором Мотрошиловой Нелли Васильевной, д.ф.н., заведующей отделом Истории философии ИФ РАН. Подарили осенний номер журнала и поговорили не только о лени, но и многом другом. К сожалению, скромный объем журнала позволяет напечатать лишь отрывок из нашей беседы, однако вы можете найти ее целиком в блоге ФК (datepalmcompote.blogspot.ru).

ФК: Как, на Ваш взгляд, возможно применение феноменологии к повседневной жизни? Каким образом возможно – и возможно ли в принципе – описание лени как феномена?

Мотрошилова Н.В.: А почему же нет? Рассуждая чисто теоретически, легко показать, что вообще всякое нечто, коль скоро оно существует для нас, – это также и феномен, а потому принципиально невозможным оказывается даже вообразить что-то, что не могло бы быть подвергнуто феноменологическому анализу. И это станет тем более очевидным, если мы обратимся к тому, что уже исследовано с феноменологических позиций в философской литературе. Что, например, является антонимом лени?

ФК: Энтузиазм, труд.

М: Нет, нет, простите. Подумайте вот над чем: мы можем сказать, что один человек ленивый, а другой не ленивый. Но как сказать это одним словом: что такое «не-лень»?

ФК: Возможно, это «послушание» – в религиозном смысле.

М: Нет, все это неправильно. Никак не могу согласиться. Это противоположность из другой пары. Тут нужно иметь языковое чутье и работать над всеми смысловыми оттенками, в том числе и в других языках. Кстати, вот хороший аналогичный пример. Я недавно писала статью про Руссо, и обратила внимание на то, что его знаменитый трактат «Об общественном договоре» по-французски

называется «Du Contrat Social», то есть «О социальном контракте». На это не обращают внимания, а ведь это очень существенно: «договор» обозначается у Руссо другим словом с другим смысловым оттенком (la convention). Так же и с ленью. Вообще я думаю, что применение феноменологии к обыденной жизни вполне возможно. Особая область – это феноменологическая этика. На эту тему есть несколько томов Гуссерлианы, у нас совсем неизвестных. Сюда же относятся работы целого ряда его последователей. Это очень интересная и широкая тема. Люди, воспитанные феноменологически, понимают, что любой аспект – будь то этики, или обычного

Применение феноменологии к обыденной жизни вполне возможно

поведения – можно проанализировать феноменологически. Что это означает? В случае лени, мы начинаем с простенькой интроспекции. Я рассматриваю свой жизненный опыт и нахожу: вот, я ленюсь. Я ленюсь в данном случае. Но что это значит? Во-первых, какие действия или не-действия из этого вытекают, а во-вторых, откуда мне известно, что я ленюсь; наконец, как я себе отвечаю на вопрос, хорошо это или плохо? А теперь давайте обратимся к своему кругу общения, опишем *Einfühlung*, сознание Другого; давайте вчувствуемся в него: мы все ленивые или нет? Сразу вычленяется несколько пластов размышления о лени. Навскидку я не очень хорошо помню, писал ли кто-нибудь из феноменологов о лени, но не удивлюсь, если писал. Вообще философы, прошедшие феноменологическую школу, иногда удивляют тем, как плотно они включаются в обсуждение >>

«Для переваривания, в целях здоровья, потребна некоторого рода лень. Даже для переваривания переживания»

Ф. Ницше,
«Злая мудрость»

«Я с ужасом смотрел на все эти зыбкие предметы, которые в любую минуту могли рухнуть, – ну да, я находился здесь, я жил среди этих книг, начиненных знаниями: одни из них описывали незблемые формы животного мира, другие объясняли, что в мире сохраняется неизменное количество энергии, да, я стоял у окна, стекла которого имели строго определенный коэффициент преломления лучей. Но какие хрупкие это были преграды! По-моему, мир только потому не меняется до неузнаваемости за одну ночь, что ему лень. Но сегодня у него был такой вид, словно он хочет стать другим. А в этом случае может случиться все, решительно все»

Ж.П. Сартр,
«Тошнота»

повседневной жизни. Вот, например, приезжал к нам Жак Деррида. И на какую тему, Вы думаете, он говорил? Деррида говорил о дружбе! И это отнюдь не случайно, что Деррида, феноменологически образованный человек, выбрал для своего доклада такую житейскую тему.

Феноменология кажется чем-то премудрым, связанным с огромным количеством мудреных философских понятий – ведь и сам Деррида придумал много таких терминов и разбирал те, которые напридумывали в феноменологии до него. Но он был склонен и к обсуждению как бы бытовых тем. Они встречаются и у Гуссерля. У него же необозримое

наследие! Уже выпущено более 30 томов, и новые всё издаются и издаются. Ведь Гуссерль постоянно что-то диктовал, его записывали, потом расшифровывали, но все это оседало в архиве, и лишь после войны началось постепенно выходить в свет. Не могу сказать, писал ли он конкретно о лени, но у него есть пассажи о дружбе, любви, и т.д.

Сама я человек не ленивый

ФК: Но в том-то и дело. О любви и дружбе исписаны сотни книг; мно-

гие философы рассуждали о страхе, зависти. Однако конкретно о лени в истории философии удастся отыскать в лучшем случае какие-то отдельные пассажи, и то – их очень мало.

М: Про лень – мало. Между тем, человек живет в зависимости от лени и в борьбе с ней проводит значительную часть своей жизни; а некоторые и всю жизнь. Например, сама я человек неленивый, но поленился иногда хочется. И надо, наверное, иногда уступить лени...

Технология лени Джона Перри

Джон Перри – профессор Стенфорда и университета Калифорнии, сделавший стандартную карьеру аналитического философа. Внес свой вклад в разработку логического аргумента «рогатки Черча» вместе с Джо Барвайсом. Написал книгу о личностной идентичности в стиле юмовского диалога. В философии сознания отмечен как представитель физикализма. Вместе с Кеннетом Тейлором ведет популярный подкаст «Философский разговор». Пишет веселые эссе об академической жизни, ноутбуках и прокрастинации. За освещение последней темы он и схлопотал Игнобелевскую премию по литературе. Сейчас эта работа настолько популярна, что существует сайт, ей посвященный, выпускаются футболки с текстом «я не трачу время зря, я за структурную прокрастинацию», а Перри выпускает книгу по её мотивам. Премированное эссе называется «How to Procrastinate and still get things done» (у нас, почему-то, переводят «Великий потем» и «Структурирующее безделье»). Впервые оно увидело свет в журнале The Chronicle за 1996 год.

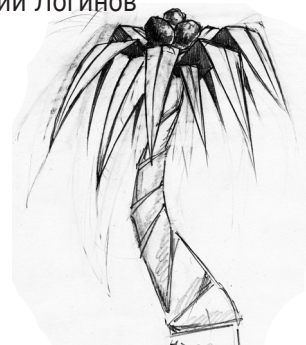
Перри подходит к лени инструментально, призывая использовать лень, раз уж от нее нельзя никак избавиться. Это чем-то похоже на подход Николая Кузанского к познанию заведомо непознаваемого Бога: познавать непознаваемое вместе с его

Ленивые люди редко сидят без дела

непознаваемостью. Тут – то же самое. Использовать неиспользуемое вместе с его неиспользуемостью. В самом деле, ленивые люди редко сидят без дела, уставившись в одну точку – редко кто бывает столь предан делу. Они совершают уйму бесполезных дел: сидят в интернете, болтают по телефону, переключают вещи с места на место. Если вам нужно, скажем, купить молоко, вы найдете сотню дел, чтобы не покупать его. Но если вам нужно читать что-то к экзамену, то без похода за молоком – причем на самый дальний рынок, где оно парное, у бабушки, от личной ко-

ровы – вам никак не обойтись. Не надейтесь, что у вас когда-нибудь достанет времени и желания на самое важное, – делайте мелкие дела. Дела, которые возглавляют ваш список дел, имеют два качества: у них есть дедлайн и они с ни черта ну очень важные. Они заставляют вас беспокоиться и делать сотни других дел – отлично! Пусть будет дело X, которое вам очень нужно сделать. И есть менее значительные дела Y, Z и H, которые тоже нужно делать, но не так срочно. Так делайте их! А когда припрет это мнимое самое важное X – просто придумайте дело X+1, которое еще важнее, чем X, – и делайте X настолько продуктивно и хорошо, насколько можете.

Евгений Логинов

Сидя в тени

Судья: Чем вы занимаетесь?
Бродский: Пишу стихи. Перевожу. Я полагаю...
Судья: Никаких «я полагаю».
Стойте как следует!
Не прислоняйтесь к стенам! Смотрите на суд!
Отвечайте суду как следует!

Из стенограммы процесса против
И. Бродского

13 марта 1964 года поэт и переводчик Иосиф Бродский, который в то время был популярен разве что в узком кругу интеллектуальной молодежи, но практически неизвестен широкой аудитории, был приговорён к пяти годам принудительного труда в отдалённой местности за тунеядство и ведение паразитического образа жизни (по статье 209 УК РСФСР). Близкие поэта и просто сочувствующие называли дело сфабрикованным, процесс – возмутительным, приговор – несправедливыми, а обвинение – голословным. Всё произошедшее можно было бы назвать злой шуткой, сыгранной над молодым поэтом и его судьбой. Но в каждой шутке есть доля правды. Согласно некоторым свидетельствам, отражённым в биографиях, маленький Иосиф часто бывал простужен, отчего возникали проблемы с посещаемостью школьных занятий. Болезненность ребёнка – явление, конечно, естественное. Но кому из нас, питаемых детской сонливой ленью, не доводилось прибегать к этой уловке простуженности, лишь бы не ходить в школу или на работу? И стоит ли полагать, что ею не пользовался Иосиф – единственный, обласканный сын любящих родителей? «Не выходи из комнаты: считай, что тебя продуло». Чем же занимается Бродский, отлынивая от навязываемых обязанностей? Если мы спросим одинокого субъекта его поэтического мира, тот

ответит: «Я сижу у окна, обхватив колени, // в обществе собственной грузной тени». Лирический герой Бродского проводит большую часть своего времени в бездеятельностной рассеянности: «За рубашкой в комод полезешь, и день потерян». Оставшись дома, он станет «спать не раздевшись или читать с любого места чужую книгу», а если и «выйдет из дому поздно вечером // Подышать свежим воздухом, веющим с океана», то будет празднично блуждать по городу без цели. Задумчиво курящий, теребящий за ухом кота, глядящий рассеянно из-под толстых очков, кофепьющий и скорее сидящий, чем бегущий, даже лежащий, спящий – таков лирический герой Бродского, живущий в атмосфере оцепенения природы, зимней снежности, ночной тиши, зовущей то ли ко сну, «то ли пулю в висок»; в атмосфере мягкой, тягучей, несколько тревожной «обломовщины». Конечно, можно было бы попытаться оправдать этого персонажа, дескать, пусть он и не проявляет внешней активности, но все же он – творец, мыслитель; ведь и сидя у окна, он думает о готическом стиле, «за рубашкой» – о свободе, и даже «за блюдцами» – об эпохе... Вот только этот «мыслитель-творец», пылая гордостью, признает «товаром второго сорта свои лучшие мысли». Уже ли не мог он измыслить чего получше? И герой отвечает: «Не желая насилловать собственный мозг, // Сам себе подавая одежду, спускаюсь в киоск // За вечерней газетой». Такое вот бегство. И это не удивительно, ведь «мысль моя – как белочка и круг. // Какого чорта в самом деле, друг!»

И что теперь можно сказать о сфабрикованности дела Бродского? Воистину, достаточно хотя бы отдаленного соответствия этого лирического героя, являющего собой воплощение

тунеядства и паразитарного образа жизни, его автору, чтобы признать, что Бродский...

А Бродский – Фауст. Сменилась эпоха, сменилась страна, сменилось все окружение. Новы ли они Фаусту XX столетия? «Само понятие оригинальности или новшества выдает монотонность стандартной реальности, жизни, чей главный стих – нет, стиль – есть скука». И Бродский поет Оду, «Похвалу скуке». Само время для него – поток вечного возвращения. Да что далеко ходить: «Красавице платье задрал, видишь то, что искал, а не новые дивные дивы!» А «все, что обнаруживает регулярность, чревато скукой». Свершения оборачиваются суетой. Намозоленные монотонным круговращением мира глаза узревают банальную истину: «Суета сует; все суета».

Тунеядец? Паразит? «Мне скучно, бес!» – воскликнет Бродский. Но Мефистофель в ответ лишь спросит:

Как расценить ваше участие в
нашем великом
поступательном движении
к коммунизму?

Из стенограммы процесса против
И. Бродского

Лида Ким

К социально-экономическим корням лени

Рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя
К. Маркс

Со времен Маркса работодатель сделал много уступок трудящемуся. Достойная заработная плата, удобный рабочий график, комфорт рабочего места, бесплатные обеды, медицинские услуги – порой работодатель делает все, чтобы трудящийся имел не только все необходимые средства и возможности для работы, но и находился в оптимальной физической и психической форме:

не только был сыт, бодр и здоров, но и имел бы стимул, мотив, интерес к труду. И действительно, в развитых странах работодателю удастся добиться всего этого!

Не удастся, однако, победить отчуждение, зияющее в самой структуре производственных отношений. Отчуждение, вследствие которого в процессе труда человек чувствует себя оторванным от себя; вследствие которого не только продукт оказывается отчужден от него – сама деятельность оказывается ему чужда, переживается им как не-своя деятельность. Это деятельность, которая осуществляется

им, но в которой нет ничего от его личности, от него самого; деятельность, в которой он не может проявить, выразить самого себя. Фрустрация, вызванная (фактической или только предполагаемой) невозможностью удовлетворения потребности в самовыражении посредством какой-либо деятельности, есть лень, переживаемая человеком по отношению к этой деятельности. Где есть творчество – там нет лени.

Мерцалов А.В.

Философский фольклор

Знаете ли вы, что Диоген жил в бочке, по Канту сверяли часы в Кенигсберге, а у Делеза были длинные ногти?

Такого рода забавные факты – самый широкий пласт философского фольклора, устойчивых и бытовых представлений, укорененных в обыденном сознании. Широкий – не столько потому, что таких историй и фактов бесчисленное множество, сколько потому, что они известны бесчисленному множеству людей. О том, что у Оккама была бритва, а у Витгенштейна – кочерга, знает каждый, кто хотя бы что-нибудь слышал об Оккаме и Витгенштейне. Разумеется, далеко не всякий вразумительно ответит, что собой представляет бритва Оккама или зачем Витгенштейну кочерга. Винить в этом незнании следует способ существования и передачи подобного рода информации – фольклор, «устное народное творчество». Жил ли Диоген в бочке или нет – не важно, главное, что об этом знают и спешат рассказать тем, кто вдруг почему-то ещё не

знает. Не нужно читать биографию Канта, чтобы знать о его пунктуальности.

Зачем философский фольклор нужен?

Во-первых, он является критерием принадлежности к сообществу как показатель включенности в дискурс. Философское сообщество – тема сама по себе сложная. Будем понимать сам этот термин предельно широко: если вам известно кое-что из жизни Абельяра и Элоизы, если вы слышали о пещере Платона и сверхчеловеке Ницше, вы – часть мирового философского сообщества; если знаете, почему фраза «на самом деле» вызывает улыбку, – часть сообщества философского факультета МГУ; если вы употребляете фразу «против вульгарного материализма» не меньше двух раз в неделю – скорее всего, часть сообщества Философского кафе.

Во-вторых, философский фольклор, как и любой другой, является способом вовлечь в сообщество. Активное вовлечение новых членов в соци-

альные группы, количество которых растет в геометрической прогрессии, необходимо не только для статуса этих групп, но и собственно для их существования. Но. Едва ли вы заманите кого бы то ни было в мировое философское сообщество, просто сообщив (как и положено в фольклоре – устно) интересный и всем известный факт из жизни Мишеля Фуко. На то существуют усовершенствованные типы социокультурной коммуникации, обеспечивающие воспроизведение и передачу коллективной традиции. В этом случае фольклор играет роль рекламы. К примеру, услышали песни Псоа Короленько, наткнулись на паблик «философ» Вконтакте, обнаружили комиксы Лёхи Зё или книгу «Аристотель и муравьед едут в Вашингтон» – и оказались вовлечены в мировое философское сообщество. Прочитали в предыдущем абзаце и заинтересовались, зачем кто-то постоянно говорит «против вульгарного материализма», – и сделали первый шаг к сообществу Философского кафе. Есть и более >>

традиционные способы вовлечения, но и они не обходятся без сюжетов философского фольклора: таковы, например, детские книги о философии.

Следующим пунктом отдадим дань структурализму. Часто сюжеты философского фольклора отсылают к содержательной наполненности предмета, о котором идёт речь: например, философская система Канта выглядит так же строго и рационально, как и Кант, по которому сверяют

часы.

Также философский фольклор часто порождает внутри сообщества желание низвергнуть и растоптать какой-нибудь бытующий известный факт. Эта процедура фальсификации является ещё и сложной процедурой подтверждения включенности в сообщество, а также показателем статуса в сообществе. К примеру, то, что Ницше был хорошим филологом, а затем сошел с ума и стал писать философские книги, – распростра-

ненный сюжет философского фольклора. Этот сюжет легко разоблачить, показав, что Фридрих страдал мигренями, то есть болезнью тела, но не души. Так вот, не споры и доказательства истинности или ложности самого сюжета, а осведомленность в том, что он не соответствует действительности, – чем ни показатель статуса в сообществе?

Кристина Бурмина

Лень в русском кинематографе

Лень в русском кино предположительно имеет фольклорные корни. В дореволюционном кино лень как отдельная тема не развивалась, но встречалась в произведениях кинохудожников, занимавшихся экранизациями, что было распространенным явлением того времени. Сказочные и фольклорные мотивы, подсказывавшие темы режиссерам, сделали «лень» в кинематографе начального этапа особенностью русского национального характера. Следующим шагом развития темы лени становится революционное кино. В двадцатые годы кинематограф называли мощнейшим средством агитации, потому как идеи, заложенные в фильмы, были понятны всем и не требовали от зрителя грамотности. По причине того, что вектором направленности агитфильмов было высмеивание буржуазии, темы лени, глупости и жестокости

стали одними из самых актуальных. Таким образом, в двадцатые годы лень – отличительный признак уже не национального характера, а социального класса.

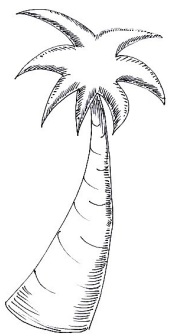
Спустя некоторое время лень начала считаться болезнью общества. Лодырь стал уже главным героем. Одним из самых распространенных сюжетов становится тот, в котором ленивый рабочий под влиянием трудолюбивых коллег и товарищей исправляется и становится полноценным человеком. Начиная с конца «оттепели» значение лени изменилось. Если раньше лодырь мешал развиваться социализму и являлся испорченной деталью общества, то с наступлением «разочарования» лень приобретает психологизм. Чаще всего – это открытое желание бездействовать. Герой, огорченный советской действительностью, больше не видит

смысла стремиться к общим целям с людьми, которые его окружают. Пропать между между несчастными «разочарованными» и «толпой» была столь велика, что вторая часто путала депрессивные настроения первых с ленью.

На сегодня ленью в кино награждена не протестующая и не спокойная, вечно рефлексирующая богема. Праздное безделье появляется из-за полной несостоятельности героев, не относящих себя к какому-либо поколению, не осознающих себя в обществе.

Такое значение лени, не окрашенное светлым или темным, сохранится еще надолго.

Катя Федотова

Лень – это слепота

Лень – это слепота: маска без прорезей для глаз. Её надевают, чтобы сокрыть многообразие. Ты лежишь на кровати, а до вечера надо ещё столько всего сделать! Написать эссе, разобрать шкаф, прочитать текст к семинару... «Лееееень», – следует ленивая отмашка. Неправда. Не «лень», а маленькая, сосредоточенно-ощетинившаяся тревога; дистанция в одну парную согласную

между д/телом. Или – завтра ты хочешь (о, чудо!) наконец-то заняться статьёй, и уже предвосхищаешь столь редкий азарт работы, как тебе внезапно напоминают: «Кстати, слушай, не забудь про статью, ты уже долго тянешь», – ...и желание исчезло. «Лееееень»? О, нет, это – та же супрессия, что и у генов: мутация, подавляющая другую мутацию; собственная активность исчезает под

внешними силами принуждения того же рода, и самому больше не хочется ничего делать. Или – ты натираешь до блеска башмаки вместо того, чтобы приступить к курсовой. «Лееееень»? Про-крастинация: когда начать делать так трудно, что ты с головой уйдёшь во что угодно ещё – и это далеко не всегда так плохо, как утверждает когнитивная психология. Или – ты засыпаешь на паре

вместо того, чтобы готовиться к надвигающемуся зачёту по ней. «Лееееень»? Почему? Да просто скука, или чувство, что «всё бессмысленно», или уста-лость, или сотни других состояний, имена которых вязнут и растворяются в патоке ленивой унификации.

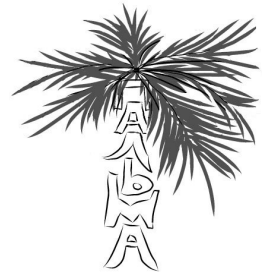
«Может, это значит, что лень самозаконна? Ты ведь объявляешь всё ленью именно потому, что тебе лень проводить различия, нет?» Не совсем. Ключ поворачивается в другую сторону: дело скорее в том, сколь сложнее для самого себя окажется уникам, высветивший весь спектр состояний, так удобно называемых

ленью. Сложнее, неодно-значнее, да – но сколько энергии сможет он получить из этой мозаики! Ведь теперь каждое из переоткрытых состояний может быть разыграно в новой партитуре, недо-ступной из предыдущего горизонта.

«Тогда что, опять всё разлетелось на части, и, следовательно, лени не существует?» Ну почему же так критично! Напротив, эти моменты (минуты, часы, дни?), когда в эпицентре повседневных забот и вереницы дел праздность празднует ничего, лёжа на чём-то мягком, валяясь в солнечных лучах, путающихся в шторах, когда какая-нибудь ерунда неожиданно

данно вкусная, когда мысли скользят друг по другу, ни на чём не задерживаясь... Они все по-прежнему есть. Просто, я назову это не ленью, а – божественным недеянением.

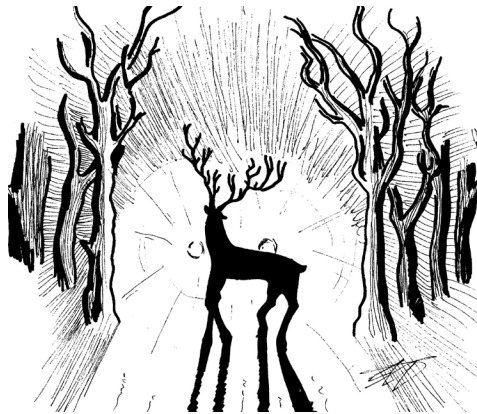
Евгений Интер,
победитель конкурса эссе.

Олени

Говорят, в повседневности оленя можно встретить, когда он – наперерез свету фар, прыжком через промежуток дороги из леса в лес. Так, мне кажется, и лень являет себя в промежутке между дел. Дело – это некая захваченность, когда ты силён, и это «нужно», и ты хочешь – ты делаешь. Но вот ты завершил. Что дальше? Надо бы следующее дело начинать, но ты тянешь. Дела – очень конкретны, они не любят, когда с ними тянут: они начинают капать на мозг, у них есть для этого механизм «надо». Но ты уже не их, ты уже встретил своего, который наперерез, и теперь с ним: пьешь фрактальное зелье Алисы, в дур-

ную бесконечность размываешь миг встречи, и всё растут вокруг бытовые леса «сейчас» и «здесь», а дело становится далёким и грузным, только изредка зов его носится над водами. Удивительно, однако, что глубже

в лес – топкое болото, тяжесть в голове и угнетение тела. А бег олений длится, равнодушный, пустой, однотонный.

Есть ли конец? Другой, щедрый на бодрость, увлечет и развяжет, и пойдут вольно олени и люди. А может и нет: не случится равнодушно другой. Горе и тьма тогда, и сердце изранено, падёт от нестерпимого оленьего бегства.

Николай Нидворов,
победитель конкурса эссе.

Конкурс: Quae natura ridiculi est?

Следующий номер будет посвящен Смешному. Поэтому тема эссе: какова природа смешного? Почему и чему мы смеемся? Как смех может, если может, противостоять миру? Какова роль смеха в истории культуры? Приветствуются как философские шутки, так и аналитические работы по философии смеха. Присылайте свои тексты до 31 марта на электронный адрес нашей редакции (см. ниже).

Для художников: образ следующего номера – кенгуру.

Номер подготовили:

Г. Андреев	П. Ивашкин
А. Мерцалов	В. Кольцов
Д. Давыдов	К. Сайфулина
А. Басов	Е. Логинов
Е. Быков	Л. Ким
А. Козырев	Е. Святушенско
О. Клинт	Э. Марьянчик
З. Кокоев	М. Кричевская
С. Сибирякова	К. Бурмина
А. Глебов	И. Фомин
К. Динсман	К. Федотова
	Шон